

С. М. Волошина

ORCID: 0000-0002-0635-3574

✉ s.m.voloshina@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ОБЩЕСТВА БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ: О РИТОРИКЕ III ОТДЕЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

Аннотация. В статье рассматривается эволюция восприятия слова *общество* и его производных в документах III отделения во время правления Николая I. Выделяются два значения слова: 'социум в целом' и 'малая часть социума, организация'; обе группы были объектом наблюдения со стороны тайной полиции. Представляя в ежегодных отчетах и текущих делах свое видение и анализ «обществ» разного уровня, III отделение одновременно фиксировало восприятие властью общественного мнения и выступало как смыслообразующий институт, который определял, что следует считать обществом. Изменения в используемой в документах лексики для описания разных видов «обществ», в том числе отказ от самого слова *общество* как обозначающего социум в целом, отражают и политические изменения в стране, и властные практики.

Ключевые слова: история России XIX в., политическая история России XIX в., III отделение, Николай I

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Волошина С. М. Общества большие и малые: о риторике III отделения при Николае I // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 118–140. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-118-140>.

*Статья поступила в редакцию 6 июня 2022 г.
Принято к печати 29 августа 2022 г.*

S. M. Voloshina

ORCID: 0000-0002-0635-3574

✉ s.m.voloshina@gmail.com

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

SOCIETIES LARGE AND SMALL: ON THE RHETORIC OF THE THIRD SECTION UNDER NICHOLAS I

Abstract. The article examines the evolution of the perception of the word “society” and its derivatives in documents of the Third Section during the reign of Nicholas I. The two distinct meanings of the word were used to refer to two traditional objects of surveillance by the secret police: society as a whole and a smaller part of it, an organization. While presenting its vision and analysis of “societies” of different levels in annual reports and current files, the Third Section simultaneously recorded the perception of public opinion by the state authorities, and acted as a meaning-forming institution that determined what exactly should be considered a society. Changes in the vocabulary used in the documents to describe different types of “societies” and such derivatives as “public opinion” (literally — “opinion by society”) reflect both political changes in the country and power practices. Whereas the first annual reports by the Third Section (from 1827 on) widely use the term “public opinion” (but only as a direct translation from the French, the language of the documents), the authors of the later reports totally avoid it. In addition, they tend to avoid the usage of “society” in the narrow sense, replacing it with various synonyms (such as “gathering” or “a bunch of”). During the last and most severe seven years of the reign of Nicholas I, the word “society” (in the broad sense) acquires a new meaning: the aggregate of people who are loyal to the tsar and the political regime.

Keywords: history of 19th century Russia, political history of 19th century Russia, the Third Section, Nicholas I

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Voloshina, S. M. (2023). Societies large and small: on the rhetoric of the Third Section under Nicholas I. *Shagi / Steps*, 9(1), 118–140. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-118-140>.

Received June 6, 2022

Accepted August 29, 2022

Просмотр документов руководства III отделения (института, функционировавшего в Российской империи с 1826 по 1881 г.) позволяет выявить связь между речевыми характеристиками авторов этих документов и оптикой, а за ней и практиками высшей власти. Эта на первый взгляд неочевидная корреляция особенно заметна в правление Николая I, большая часть которого составляет хронологические рамки статьи.

Наиболее показательными в этом отношении выступают лексемы *общество* и его производные, в первую очередь *общественный*, и *общий* (как синоним *общественного*).

Ко второй трети XIX в. в русском языке оформилось несколько значений слова *общество*¹ (от обозначения социума в целом до малых его сегментов). Так, в первом издании «Словаря Академии Российской» *общество* объясняется следующим образом:

1) Народ под одними законами, под известными уставами, правилами, купно живущий. <...> *Человек рожден для общества. Человек обязан быть полезным обществу.* <...> 2) Сословие людей; собрание многих лиц, имеющих в виде одинакое намерение или тот же предмет. *Общество ученых мужей. Общество купеческое, промышленников, ремесленников* [САР 1789–1794 (4). Стлб. 601].

То же толкование дается и в следующем издании словаря [САР 1806–1822 (4). Стлб. 148].

Важно отметить, что привычное для наших современников универсальное значение *общества* как «всей совокупности людей» (например, государства), обладающего некоей суверенностью и функционирующего по ему присущим законам, использовалось в описываемое время относительно редко (в официальных документах — практически никогда). *Общество* в его первом, широком значении, виделось неким собранием «подданных», существующим по законам, установленным высшей властью, и не мыслящим выход за их рамки. Как можно будет увидеть ниже, именно этот аспект был принципиально важен (хотя напрямую и не артикулирован) в документах администрации III отделения.

Гораздо чаще слово *общество* использовалось в отношении к определенной группе людей — образованному обществу, синонимом которого выступала *публика* — именно так обычно именовалась некая общность людей, чью реакцию на крупные государственные и внешнеполитические события фиксировало в своих отчетах (всеподданнейших докладах) III отделение. Можно предположить, что слово *публика* казалось предпочтительным для властного нарратива, так как было лишено тех подспудных социально-политических коннотаций, что подразумевались в *обществе*. Возможно, именно поэтому употребление слова *общество* для обозначения круга образованных лиц встречается у оппозиционно настроенных литераторов и публицистов. Так, А. И. Герцен, описывая социально-нравственную картину «после перелома в 1825 году», отмечал: «Нравственный уровень общества пал, развитие было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни» [Герцен 1956: 38].

¹ Подробнее см.: [Федорова 2011: 13–68; Калугин 2011: 305–394].

Намного большее распространение имело второе, более узкое понятие *общества* («Сословие людей; собрание многих лиц, имеющих в виде одинаковое намерение или тот же предмет»). «Собрание многих лиц» подразумевало и место этого собрания, что косвенно выражалось в частном использовании этого слова во множественном числе («бывать в обществе/обществах») [Федорова 2011: 31]. Стоит сразу отметить, что специфическая оптика тайной полиции позволила интерпретировать это толкование *общества* (а именно предполагавшее «одинаковое намерение» его членов) как потенциально оппозиционное, противогосударственное. Еще до революционного 1848 года III отделение проявляет повышенный (и недоброжелательный) интерес к любым поступающим сведениям о существующих обществах, будь то даже научные или благотворительные. Их намерения, напрямую не определенные высшей властью, были объектом подозрения.

Разумеется, во второй трети — середине XIX в. существовали и иные, более маргинальные (с точки зрения административного дискурса) понимания *общества*. Таковые, среди прочего, разрабатывались участниками интеллектуальных кружков (например, «Обществом Любомудров»), славянофилами, полемизировавшими с западноевропейскими понятиями о происхождении общества (в частности, с теорией «общественного договора»), и западниками [Калугин 2011: 365]. Разрабатывая концепции общества в плане философском, отчасти религиозном и политическом, эти интеллектуальные сообщества подразумевали под *обществом* некоторую самостоятельную, т. е. не инициированную административными силами, низовую организацию — кружок.

После 1825 г. не могло быть и речи об организованном обществе политического характера, но о некоем (полу)закрытом клубе по интересам, обществе единомышленников. Тот же Герцен, описывая водораздел между будущими западниками и славянофилами, вспоминал: «Между ними и нами, естественно, должно былоделиться общество Станкевича» [Герцен 1956: 40].

Кружок, в отличие от привычных форм общественной организации — салонов, предполагал большую сосредоточенность интересов его участников на философских и общественно-политических вопросах, составляя тем самым антитезу как светскому, эстетическому направлению салонных бесед, так и официальному дискурсу государственных институтов. При этом приверженность и верность идеям и воззрениям кружка отслеживалась весьма строго, сближая порой характер членства в нем с принадлежностью к религиозным объединениям [Калугин 2011: 368]. Все это, разумеется, не могло одобряться и не одобрялось властью.

Не претендуя на помещение здесь сколь-нибудь стройной терминологической схемы, описывающей все бытовавшие в описываемый период (т. е. во время правления Николая I) значения и связанные с ними коннотации слов *общество* и *общественный*, упомяну лишь еще несколько принципиальных моментов, связанных с этими лексемами.

«Общество» (а именно его определенная часть — образованное общество), среди прочего, могло мыслиться и как некая прослойка между властью и народом. Интересно, что авторы первых отчетов III отделения — М. Я. Фон Фок и А. Х. Бенкендорф — открыто писали о важности наблюдения за «общественным мнением», тем самым признавая его, во-первых, существование, во-

вторых, легитимность (однако здесь стоит учитывать существенную деталь: эти ранние отчеты были написаны на французском языке, в котором привычное словосочетание *общественное мнение* не выглядело столь политически вызывающим, как его русский аналог). «Общественное мнение (здесь и далее разрядка моя. — С. В.) для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны. Но составить верный обзор общественного мнения также [sic!] трудно, как и сделать точную топографическую карту», — сообщается в отчете за 1827 г. [Отчеты 2006: 17].

С конца 1830-х годов подобные упоминания из докладов исчезают, и «прослойка», за которой наблюдает тайная полиция, уже не именуется «обществом», а означает при помощи различных эвфемистических конструкций. Так, Л. В. Дубельт в отчете за 1839 г. пишет о «той обязательности, которая возложена на III Отделение (...) о доведении до Высочайшего сведения общего голоса публики насчет всех предметов государственного управления и тех, коим поручены части оного» [Отчеты 2006: 217]. «Общественная жизнь», а с ней и «мнение», возвращаются на страницы всеподданнейших докладов только с началом правления Александра II («III отделение (...) и Корпус жандармов сосредоточивают в себе высшее наблюдение за направлением умов и общественной жизни в государстве», — говорится в отчете за 1858 г. [Там же: 461]).

Так или иначе, в формировании понятия *общество* и связанных с ним дискурсов, а также эволюции значения (точнее, значений) этого слова, принимал участие важный политический и смыслообразующий институт, действовавший на протяжении большей части XIX в., — III отделение С. Е. И. В. Канцелярии. Этот институт находился в самых тесных отношениях с императором, с одной стороны, формируя общественно-политический дискурс, с другой — пытаясь уловить и воплотить в риторике документов те желания, ожидания и идеалы, которые император связывал со своими подданными.

К «обществу» во всех его значениях, в том числе не отрефлексированных, III отделение имело непосредственное отношение, полагая в числе своих основных обязанностей отслеживание состояния «общественного мнения», чаще всего именуемого им «духом народным» и «расположением умов»).

Настоящий обзор отчетов III отделения хронологически охватывает большую часть правления Николая I, с начала (отлаженной) работы этого ведомства и до первых лет царствования Александра II (контраст используемой лексики и лексических оборотов с началом нового правления очевиден), однако значительная часть фактического материала относится к 1840-м — началу 1850-х годов. Именно тогда становится заметным нежелание администрации III отделения использовать слово *общество* не только в широком, но и в узком значении — вероятно, из-за все более осязаемой (для авторов отчетов) связи его с «тайным», «злумышленным», «противоправительственным» обществом — одной из основных тревог времени. Важно, что этот подразумеваемый «оппозиционный», опасный оттенок в слово добавляет именно администрация III отделения, в своих внутренних документах нередко использовавшая слово *общество* в значении «тайное общество», без каких-либо уточняющих прилагательных, а в докладах царю вообще избегавшая его употребления и заменявшая различными синонимами (например, *сборище*).

Начать представляется логичным с первой группы документов — всеподданнейших ежегодных докладов.

Самые ранние отчеты (за 1826–1830 гг.) составлялись М. Я. фон Фокон на французском языке. То, что в переводе, выполненном составителями сборника отчетов М. В. Сидоровой и Е. И. Щербаковой [Отчеты 2006], значится как «общественное мнение», в оригинальном тексте, очевидно, было *opinion publique* — речевой формулой, часто использовавшейся в первой трети XIX в. в документах на французском языке, созданных русскоязычным авторам из высшего сословия². Однако в официальных документах III отделения, доносящих до царя наиболее важные события и происшествия за год, это выражение стало не более чем фигурой речи, не подразумевающей некоего «общества», объединенного общим «мнением».

С начала 1830-х годов отчеты писались на русском языке, стали более объемными и разделялись на параграфы. С 1839 г. и до своей отставки в 1856 г. составлением отчетов, судя по всему, занимался Л. В. Дубельт.

В первом отчете, составленном на русском языке («Обозрение происшествий и общественного мнения в 1831 году»), «общественное мнение» хоть и осталось в заглавии, в тексте обозначено как «дух народный»:

1831 год был изобилен важными событиями; событиями несчастными для Отечества нашего и которыми мнение общее, дух народный сильно и разительно был колеблем [Отчеты 2006: 78].

«Мнение общественное» о графе Дибиче, упомянутое в том же отчете («...граф Дибич начал терять в мнении общественном» [Отчеты 2006: 78]), как представляется, имеет отношение, напротив, к узкому кругу высшей бюрократии и придворных, чье мнение вряд ли выходило за пределы этого круга.

Разница очевидна: если «мнение» относится к области рационального, то «дух» — к области мистического. *Народ* же предполагает объединение людей по иному принципу, нежели *общество*, и не выступает его полноценным синонимом.

Впрочем, в этом отчете фигурирует и «общественное мнение»:

Все, кроме весьма немногих, были уверены, что одного появления российской армии будет достаточно для прекращения возникшего в Варшаве беспорядка и своевольтва <...> но вопреки всех соображений явились трудности непреодолимые, сопротивление неожиданное, неудачи, и граф Дибич начал терять в мнении общественном [Отчеты 2006: 78].

Однако дальнейшее чтение отчетов заставляет сделать вывод, что это словосочетание приобрело иное значение: отныне и на долгие годы вперед в устах (и под пером) власти «общественное» или «общее мнение» будет означать безусловное и полное одобрение (образованным и благонадежным)

² Случаи и контекст использования этой формулы в первой трети XIX в. см., например, в [Романов 1912: 298, 433, 445].

населением действий и заявлений высшей власти, абсолютную с ними солидарность и подчинение им.

Так, в отчете за 1834 г. отмечается:

Высшее наблюдение, продолжая внимательно следовать за всеми движениями и изменениями общественного мнения в отношении верховного правительства, может и на сей раз представить самое удовлетворительное заключение. <...>

Такое предпочтение иностранцев всегда общественным мнением оуждалось, всегда против одного роптали, ибо оно было противно народной нашей гордости; и потому можно удостоверительно сказать, что никакая черта царствования нынешнего Государя не приобрела Ему столько любви, столько похвал, столько всеобщего одобрения, как постоянное стремление Его, с самого первого дня царствования Своего, к возвеличению всего русского... [Отчеты 2006: 113–114].

Именно этим значением объясняется, в частности, полное отсутствие упоминаний «общественного мнения» в графах отчетов, посвященных вечно «неблагонадежной» Польше: там фигурирует лишь «расположение умов». Впрочем, «расположение умов» встречается и в других частях империи, ср.: «В Царстве Польском расположение умов к правительству равномерно ненадежно» [Отчеты 2006: 163 (1837)] — и там же, чуть далее:

Объявление об издании в Варшаве с начала 1838 года на русском и на польском языках официальной газеты послужило новым доказательством худого расположения умов [Там же: 164].

Что касается изъявлений любви верноподданных к царю и царской семье, такие продолжают именоваться «общественным мнением» и в дальнейшем. Так, в отчете за 1838 г. говорится:

Высшее наблюдение, обращая постоянное внимание на дух народный и поверяя замечания свои теми резкими изъявлениями общественного мнения, которые обнаруживаются при всяком замечательном в Царственном Доме событии, каждый год получает новое удостоверение, что народ русский нисколько не утратил свое древнее наследие, наследие драгоценное, которому Россия обязана своим величием, спокойствием, которому во времена бедствия она обязана была своим спасением, одним словом, что русские и ныне всею душою любят Царя своего, безусловно Ему преданы и почитают Его не иначе, как всеобщим Отцом своим, благодтию Божескою им дарованным [Отчеты 2006: 179].

Упоминание «общественного мнения» здесь дано в полном соответствии с новым, данным III отделением значением: оно одобряет (тем более «резкими изъявлениями») действия высшей власти, и одно появление царя на публике или важные даты в царской семье оказываются достаточным поводом для вы-

ражения восторга и любви подданных. Это изъятие полных, не рассуждающих преданности и любви, приравняемых к любви религиозной, и есть «общественное мнение».

Эта цитата открывает еще несколько нюансов, связанных с властными риторикой и практикой.

Прежде всего, упомянутая трактовка «общественного мнения» напрямую связана с «государственным», т. е. властным пониманием «общества» в целом. В своей статье «История понятия “общество” от Средневековья к Новому времени: русский опыт» Д. Я. Калугин, анализируя понимание слова *общество* в XVIII в., делает следующий вывод: «...под обществом понимаются те, кто связан “общим знанием” о карьерах, заслугах и качествах, кто состоит на государственной службе и разделяет представления о достойной жизни. То есть это “общество” тех, кто служит государству» [Калугин 2011: 329].

Примечательно, что Николай I и наиболее близкие к нему властные структуры (то же III отделение) во многом поддерживают это понимание, чуть расширив его за счет пассивной части подданных: теперь «общество» включает и «тех, кто служит государству», и тех, кто изъясляет поддержку и любовь высшим его персоналиям. С другой стороны, именно государство, точнее его высшая власть, определяет, кого и что можно включать в состав «общества» в целом.

В этом отношении николаевское понимание «общества» принципиально архаично. «Возникновение “общества” связано также с идеей “управления” и “власти”, власти верховной», — подчеркивает Д. Я. Калугин [2011: 328], выявляя связь этой трактовки с религиозными корнями. Действительно, идеи «самодержавия» и «православия» здесь определяют и характер «общества»: общество есть только то, что сформировано государственной идеей и идеологией и полностью им следует, не смея выдвигать самостоятельных суждений.

В связи с пониманием «общества» очевидны и причины известной не любви Николая I к славянофилам. Так, А. С. Хомяков, рассуждая об обществе и «общественном», объявляет эту сферу медиатором, обязательным звеном между «частным» и «государственным». Между жизнью «частною и государственною лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественной деятельностью» [Хомяков 1914: 432]. Вообще же общество в понимании славянофилов формируется не внешними механизмами (чинами, происхождением, т. е. социальным «назначаемым» статусом), а неким «общим началом жизни». «Во всей этой конструкции правительство выполняет чисто административные функции, выражая не столько волю монарха, сколько поддерживая “общее согласие”, “общество”, где царь и народ составляют “органическое целое”» [Калугин 2011: 381]. Вне сомнения, такой подход мог показаться (и казался) Николаю I величайшей дерзостью, более того — узурпацией его права на определение иерархической структуры и понятий.

Единственно правильное «общественное мнение» порой напрямую выступает продолжением и выразителем мнения царя, демонстрируя и реализуя его в ярких формах. Так, «общественное мнение» противопоставляется настроениям жителей Польши во время посещения Варшавы императором:

В самом начале весны [1838 г.] сделалось известно, что Государь и Императрица изволят лето провести в чужих краях и что Его Вели-

чество посетит Варшаву. Это известие произвело самое заботливое в здешней публике впечатление. Не доверяя полякам, зная козни их в иностранных государствах и свободу, которою самые злейшие враги Его Величества в тех государствах пользуются <...> нетерпеливо ожидали известий из Варшавы, и как отлегло у всех от сердца, когда узнали о благополучном совершении сего первого опасного шага. В то время общественное мнение как бы помирилось с варшавскими жителями и было им благодарно за изъясненные ими радость и восторг при посещении Государя [Отчеты 2006: 180].

Мнение поляков, очевидно, не может быть «общественным», потому что не совпадает с тем, что инициировано высшей властью и ожидаемо ею. С другой стороны, «общественное мнение» выступает преданным слугой царя, его воином, простившим «еретиков» за их правильную реакцию на высшую силу — «радость и восторг».

Помимо «общественного мнения», в отчетах часто встречается «общественный дух» и, судя по контексту и случаям употребления этого словосочетания, выступает полным (и предпочтительным) его синонимом. Так, в том же отчете один из промежуточных выводов гласит:

Все эти приведенные нами здесь факты ясно доказывают, что общественный дух в отношении к Государю и ко всему Царскому Дому совершенно удовлетворителен и ничего желать не оставляет [Отчеты 2006: 182].

Ниже, сообщая о настроениях в Польше, автор доклада пишет, что жители «не перестают всеми возможными средствами возбуждать в Западных наших губерниях неприязненный дух к правительству». Разница, казалось бы, небольшая, но значимая: «общественного духа» у жителей Царства Польского нет и быть не может, разве что просто «дух» или, в крайнем случае, «расположение», которое может «улучшаться» или «ухудшаться» [Отчеты 2006: 184–185].

Кроме Польши, в беспокойных западных окраинах империи также нет «общественного мнения» или «общественного духа»:

К прискорбию, получаемые известия из Волыни и Подолии удостоверяют, что расположение умов и дух жителей того края далеко в худшем положении, нежели был до мятежа... [Отчеты 2006: 217 (1839)].

В более поздних отчетах это отношение сохраняется — «общее мнение» может лишь одобрять действия царя, проявлять нерассуждающую любовь, что «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»:

В последние дни истекшего года мы видели оттенок общего мнения и разительный пример, до какой степени чувства подданных Государя, так сказать, сроднились с Царским Домом! [Отчеты 2006: 268 (1841)].

В приведенной ранее цитате из отчета за 1838 г., в котором речь идет о «резких изъявлениях» «общественного мнения», определенные религиозные коннотации, связанные с этим «мнением», соседствуют с новым для отчетов синонимом истинного, единственно правильного общества. Теперь это «русские»: «...русские и ныне всею душою любят Царя своего, безусловно Ему преданы» [Отчеты 2006: 179]. Эта риторика — своего рода следствие смены курса III отделения, ранее слывшего оплотом «немецкой партии» [Проскурин 2000: 317–319], а теперь провозглашавшего «русских» как основной оплот и верную поддержку престолу, — принадлежит Л. В. Дубельту, назначенному на пост управляющего III отделением в марте 1839 г. и с этого времени писавшего, надо полагать, большую часть черновики всеподданнейших докладов и отчетов.

Далее *русские* встречаются на страницах отчетов все чаще — в качестве обозначения «общества», верного царю и выражающего соответствующее «мнение». Так, уже в первом отчете (за 1839 г.), авторство которого можно с уверенностью приписать Дубельту, утверждается: «Но что всего более привлекает к Нему (т. е. Николаю I. — С. В.) сердца русских, это видимое покровительство русской национальности» [Отчеты 2006: 218]. Этот новый дискурс повторяется и тем самым утверждается: истинное и единственное в России «общество» (в его широком понимании) — это «русские»:

Нельзя не повторить, что общее мнение чрезвычайно выгодно для Государя в России — собственно взятой, и русские всякое зло приписывают не ему, а все доброе — ему [Там же: 219].

К 1848 г. (точнее, к 1849 г., в начале которого написан годовой отчет) «русские» вытесняют «общественное мнение» окончательно (и торжественно):

Итак, все русские уже по здравому их суждению чужды настоящего бессмысленного стремления иностранцев к невозможному, и по врожденному благоговению к власти Монарха всякое противодействие этой власти признают преступлением равным святотатству... [Отчеты 2006: 419 (1848)].

В отчете за 1853 г., в частности, сообщается:

Русские увидели новые доказательства тех неутомимых забот и попечений о поддержании православия, о благе, чести и славе России, которые они привыкли видеть в продолжение последних 28 лет [Отчеты 2006: 436].

Нужно отметить, что при этом в описаниях настроений в Польше уменьшилось количество прямых обозначений национальной принадлежности ее жителей; теперь они обозначаются нейтрально, через топонимию:

Великое нравственное влияние произвело на Варшаву и все Царство Польское пребывание там Вашего Императорского Величества. <...>

Только в Царстве Польском и в Литовских губерниях многие из местных уроженцев, по обыкновению, предаются беспокойным и несбыточным мечтам [Отчеты 2006: 427].

* * *

К началу XIX в. часто употребляемым словом, использующимся для обозначения большой группы людей (при нежелании называть эту группу «обществом» из-за неизбежных коннотаций, связанных в мнении властей с этим термином), становится слово *публика*³. С этим понятием (коррелирующим с немецким *Publicum*) «связывались представления об образованных страдах общества», кроме того, «оно противопоставлялось как представителям государственной бюрократии, так и простому народу» [Калугин 2011: 334], ср. [Смит 2006: 56–62].

Использование слова *публика* в отчетах III отделения вполне соответствовало этим рамкам, и именно реакция «публики» на важные государственные события, как представляется, была одним из основных фокусов интереса тайной полиции. Число упоминаний *публики* в отчетах очень велико, приведу лишь некоторые примеры:

Его Светлость Принц Ольденбургский с каждым днем приобретает себе более и более уважение публики [Отчеты 2006: 127 (1835)].

Лучшим мерилом расположения народного к Государю несомненно служат те впечатления, которые производят на публику различные обстоятельства... [Там же: 179 (1838)].

Иногда к *публике* добавляется уточняющее определение:

...повторенные отсутствия Государя из России, конечно бы, произвели самое неприятное впечатление, особенно в среднем сословии и рассуждающей публики, и ослабили бы в нем понятия о национальности нынешнего Государя [Там же: 181 (1838)].

В некоторых отчетах ясно видно разделение между важными для III отделения страгами: так, сообщая о непопулярности министра народного просвещения С. С. Уварова, автор отчета уточняет, что «ни высшее общество, ни подчиненные, ни публика не верят ему, и это во многом парализует ход дел» [Отчеты 2006: 210 (1839)].

В докладах часто сообщалось о настроениях в армии, традиционно именующихся не «мнением», а «духом», который в основном аттестуется как «отличный»:

---

³ Дмитрий Калугин в статье «История понятия “общество” от Средневековья к Новому времени: русский опыт» отмечает: «Русское понятие “публики” и коррелирующее с ним представление о “хорошем обществе” стали наполняться реальным содержанием (...) во второй половине XVIII — начале XIX века. В историческом и социальном аспектах русское понятие “публика” развивалось параллельно с немецким понятием *das Publicum*, обозначившим новую социальную группу, автономную от государства» [Калугин 2011: 334].

В отношении в о й с к высшее наблюдение и в сем году из всех полученных сведений могло извлечь удостоверение, что дух в них отличный [Отчеты 2006: 122 (1834)].

* * *

Что касается второго, узкого значения *общества* как «собрания многих лиц, имеющих в виде одинакое намерение», то здесь авторы всеподданнейших докладов явно испытывали терминологические трудности.

Общества как профессиональные или «некоммерческие» ассоциации («Общество купеческое, промышленников, ремесленников» [САР 1789–1794 (4): 602]) в документах III отделения почти не упоминаются. Один из немногих примеров можно найти в отчете за 1842 г.:

Ее Императорское Высочество Мария Николаевна и даже Великие Княжны имеют в своем заведывании детские приюты, учрежденные в разных частях столицы и наравне с другими членами женского Патриотического общества управляют благотворительными заведениями [Отчеты 2006: 288].

Что же касается других «собраний многих лиц», стоит выделить несколько важных значений и трактовок — и вариантов отношения к ним тайной полиции.

Прежде всего высшую власть беспокоили тайные политические общества. Сообщения о ссыльных декабристах составляли постоянную рубрику в отчетах, особенно 1830-х годов, при этом любые, даже самые недостоверные сведения о предполагаемых новых тайных обществах вызывали расследование (и фиксировались в отчетах). Важно отметить, что с самых первых упоминаний о таких (в том числе вымышленных) обществах авторы отчетов почти всегда поясняют, что подобные сообщения исходят от людей дурных, преступных, действующих в корыстных целях:

Необыкновенно много и гораздо более чем в предшествовавшие годы поступило в 1834 году вызовов от разных лиц открыть правительству тайны: о покушениях на жизнь Государя, о существовании злоумышленных обществ и тому подобное. Все таковые изветы были рассматриваемы со всею тщательностью и все без исключения оказались не имеющими ни малейшего основания. Большая часть таковых изветов поступили от людей или содержащихся под стражею или предназначенных к ссылке за содеянные преступления, и сколько можно заключить, были делаемы в одном лишь намерении избегнуть заслуженного наказания [Отчеты 2006: 117 (1834)].

В том же отчете за 1834 г. сообщалось, что некий «Антонов действительно говорил Кузнецову о существовании будто бы злоумышленного общества, но что он просто лгал, желая придать себе важность в глазах простодушного и необразованного Кузнецова» [Там же: 117–118].

Подобными комментариями снабжены и более поздние сообщения о «тайных обществах». Так, в отчете за 1844 г. поясняется:

Разысканиями обнаружено, что одни из доносителей, если не были повреждены в уме, то не обладали благоразумием; другие просто-душно поверили ложным рассказам и слухам; третьи объявлением государственной тайны надеялись обратить на себя внимание правительства или доносили по привычке к ябедам, или, наконец, доносили люди злостные... [Отчеты 2006: 358].

Кроме того, абсолютное большинство упоминаний об «обществах» в их узком значении, а именно о «злоумышленных», «тайных политических» обществах, относится к Польше:

Польские эмиссары основали было вновь в Кракове тайное общество под названием «Товарищество народа польского», которое, однако же, рушилось вместе с очищением сего города от людей неблагонамеренных [Отчеты 2006: 253 (1841)].

При этом в большинстве случаев авторы докладов неизменно помещают «центр зла» еще дальше на Запад, часто сообщая, что идеологи и инициаторы «тайных злоумышленных обществ» находятся вне пределов Российской империи. В самом государстве злодеев нет, «общественное мнение» не приемлет подобных идей, и лишь «беспокойные умы» жителей Польши подвержены этой злонамеренной пропаганде извне. Так, в отчете за 1839 г. сообщается:

[Различные лица за границей] сообщили нам предостерегательные известия о намеревающихся проникнуть в пределы государства польских выходцах и разных эмиссарах революционной пропаганды, имевших поручение учредить тайные общества, распространить возмутительные сочинения, приготовить народ к всеобщему восстанию, и даже с другими, еще преступнейшими намерениями... [Отчеты 2006: 194].

В отчете за 1845 г., сообщалось:

Польские выходцы, находящиеся за границею, не перестают питать мысли о восстановлении древней Польши; между ними продолжают прежние партии и по временам составляются новые [Отчеты 2006: 365].

Далее идет перечисление «партий», которые чаще именуются «обществами»: упоминаются «Общество демократическое», которое «отличается от других обществ наибольшею деятельностью и постоянством», «Общество аристократическое», «Общество соединения» («Общество это с 1838 года находится в постоянном разладе, так что члены не могли даже согласиться насчет избрания пяти лиц, долженствующих составить комитет их») и несколько других [Там же : 365–366].

Примечательно, что за сообщениями об обнаруженных «обществах» очень часто следуют комментарии об их слабости, несостоятельности, дурной орга-

низации. Одно из таких обществ «рушилось вместе с очищением (...) города от людей неблагонамеренных» [Отчеты 2006: 253], другое «находится в постоянном разладе» [Там же: 366]. Тем самым III отделение усиливает акцент на низкий и моральный, и интеллектуальный, и профессиональный уровень членов этих «обществ»: достойные, благонамеренные люди не станут вступать в них и тем более организовывать нечто «антиобщественное».

Практически все упоминаемые в отчетах «тайные общества» и «заговоры» оказываются до смешного неопасными. Таковы, например, большинство «партий» «польских выходцев». Автор отчета за 1845 г. резюмирует:

Из всех партий, только демократическая, аристократическая и резюр-рекионистов требуют особенного наблюдения и то потому только, что члены сих партий посредством переписки и распространяемых ими сочинений стараются поколебать и возмутить народ польский, подвластный России. Собственная же сила выходцев год от году ослабляется более и более [Отчеты 2006: 367].

Более того: нередко авторы докладов в этих случаях стараются уйти от употребления слова *общество* и подыскивают ему синонимы, причем явно семантически сниженных.

Так, в упоминавшемся выше списке «партий» «польских выходцев» некоторые из них названы «сектами»:

Товянский основал политическо-религиозную секту и находит безумцев, предающих себя в пожизненное рабство для слепого и беспрекословного исполнения его повелений [Отчеты 2006: 366].

В следующем отчете сообщалось, что «в 1846 году завелось еще гнездо польских выходцев у границ Бессарабии, в окрестностях Тульчи (...) Цель этого скопища определенно не известна...» [Отчеты 2006: 383].

Очевидно, с помощью именованной этих организаций *скопщиками* и *гнездами*, а не *обществами*, подспудно демонстрировались их неопасность, мелкий масштаб, несерьезность. Эта тенденция, равно как и многие представленные выше особенности «общественной» риторики III отделения, ярко видна в части доклада за 1849 г., посвященного кружку М. В. Буташевича-Петрашевского.

Вообще не происходило в Империи никаких замечательных происшествий, могущих иметь вредное влияние на общество, кроме, однако ж, обнаруженного правительством *сборища молодых людей*, которые, заразившись *заграничным* учением социализма и гражданского равенства, мечтали о распространении оных и в России для произведения политического переворота. *Общественное* мнение обрекло участников этого преступного замысла на посмеяние и презрение и, вместе с тем, признало их заслуживающими строжайшего наказания. Таким образом, произведенное упомянутым обстоятельством *общее* негодование явно приводит к утешительному заключению, что большая часть поддан-

ных Вашего Императорского Величества чужды идеи, волнующих Запад и Юг Европы, и что спокойствие в России не легко и не скоро [sic!] может быть нарушено [Отчеты 2006: 428–429].

«Сборище» петрашевцев не может быть названо «обществом» именно потому, что оно не только не организовано с одобрения властей, но и настроено к ним недоброжелательно. В докладе одновременно фигурирует *общество* в его широком понимании: это все те, кто лояльны царю (полностью «согласные с впечатлениями их Царя») и кто осуждает «обнаруженное правительством сборище молодых людей». Противопоставление налицо: «общество» активно поддерживает «обнаруженное правительством» (т. е. субъектом, определяющим, кто и что в государстве является «обществом») осуждение некоего «сборища» мечтающих молодых людей, их «преступного замысла», и сурового, но справедливого приговора царя. Интересно, что «строжайшее наказание» как адекватная масштабу преступления мера, кажется, находится в некотором противоречии с подразумеваемой слабостью заговора петрашевцев, достойного лишь «посмеяния» и «презрения»:

Обнаруженное высшим наблюдением между студентами Дерптского Университета тайное общество под наименованием «Burschenschaft» оказалось, по произведенному исследованию, не имеющим никакой политической цели и никаких преступных замыслов; но не менее того открытие оно представляется полезным в том отношении, что доказало бдительность правительства и, вероятно, послужит к воздержанию на будущее время от составления подобных тайных обществ [Отчеты 2006: 102 (1833)].

Впрочем, риторическая логика высшей николаевской администрации не смущается противоречиями.

Важно отметить, что обозначенная в докладах «безопасность» подобных обнаруженных «обществ» и «сборищ» не смягчала участь их членов. В этом отношении показательна риторика в пассаже о Кирилло-Мефодиевском обществе в отчете за 1847 г.:

Украина всегда была одной из самых спокойных областей, так что в общем мнении малороссияне были почти то же, что великороссияне [Отчеты 2006: 401].

Однако «в это время явился в Киеве коллежский секретарь Гулак, воспитанник Дерптского университета, с стремлением составить общество какое бы то ни было. Киевские ученые Костомаров и Белозерский, сблизившись с ним, составили тайное общество Св. Кирилла и Мефодия. Общество вскоре само собою разрушилось, но мысль о восстановлении малороссийской народности распространилась». [Там же]. Здесь «тайное общество» названо именно *обществом*, без каких-либо эвфемизмов, что показывает, с одной стороны, серьезность этой организации в государственной оптике. Однако тут же объясняется, что, во-первых, цель коллежского секретаря Гулака была «составить общество какое бы то ни было», т. е. ника-

ких политических амбиций он не имел. А во-вторых, «общество вскоре само собою разрушилось» — ввиду, надо полагать, своей изначальной, внутренне присущей подобным образованиям несостоятельности.

Разумеется, зло, даже обнаруженное в зародыше, должно караться в полной мере, и «наказание, которому подвергнуты виновные, без сомнения удержит молодых малороссиян от преступных замыслов» [Отчеты 2006: 401].

* * *

К середине 1840-х годов доклады становятся все более структурированными, причем их структура принимает все более дробный характер: авторы (точнее, по большей части один автор, Л. В. Дубельт) представляют разнобразную фактологию из множества сфер государственного интереса, фокусируясь на традиционно проблемных вопросах — от настроений в Польше и окраинах империи до крестьянского вопроса, стихийных бедствий и обзоров деятельности министерств.

На фоне большей конкретизации отчетов обзорам и анализу «общественного/общего мнения» уделяется гораздо меньше места и внимания. Более того — эти обзоры, сколь ни скудными они были ранее, теперь заменяются на панегирики царю и изъявления преданности как бы от лица «публики». К тому же, помимо представления общих обзоров, отчеты теперь содержат предложения более или менее энергичных мер в отношении тех же проблемных вопросов.

Например, в отчете за 1844 г. сообщается:

По замечаниям начальника IV округа Корпуса жандармов графа Буксгевдена, особенно тремя средствами должно действовать на сближение жителей Западного края с русскими; средства сии суть: религия, законы и язык, и (...) надобно ожидать, что жители Западных губерний будут постепенно терять прежнюю свою национальность и сливаться с русскими [Отчеты 2006: 355].

«Общество» и его «мнение» явно перестает быть объектом интереса и, как следствие, исследования: будучи заменено на «русских», оно способно лишь выражать пассивное восхищение лично царем и его решениями и всецело одобрять любые из них.

* * *

Второй группой документов за авторством администрации III отделения, в которой отчетливо прослеживается эволюция восприятия и интерпретации понятия *общество*, являются собственно дела этого ведомства — рапорты и доклады, посвященные «обществам» в их узком понимании, как группам людей, объединенных общим интересом или делом. Ограниченные размеры журнальной статьи не позволяют сделать подробный обзор дел, посвященный разного вида «обществам». Тем не менее при просмотре дел III отделения, в названии которых фигурирует слово *общество*, прослеживается определенная закономерность в его употреблении.

После декабрьских событий 1825 г. немалая часть дел об «обществах» прямо или косвенно касалась общества декабристов (например, «Список де-

кабристов и др. участников тайных обществ, с отметками о перемещениях в другие места ссылки, о разрешении проживания в столицах и поступления на гражданскую службу, о снятии полицейского надзора и т. д.»⁴), при этом на протяжении 1830-х и первой половины 1840-х годов время от времени появляются дела, посвященные донесениям о якобы существующих тайных обществах, с декабристами не связанных. Таковы, например, дело «О дерзких суждениях отставного подпоручика князя Енгальчева и о рассказе его, что некоторые гвардейские офицеры принадлежат к злоумышленному и тайному обществу» (1833)⁵, дело «По доносу дворянина Игнатия Монкевича о лицах, принадлежащих к тайному обществу»⁶ (1840) и т. п.

Абсолютное большинство дел о «тайных злоумышленных обществах» относятся к Польше, «польским выходцам», польским же эмигрантам и в меньшей степени к западным окраинам империи и их жителям. Названия этих многочисленных дел типичны: «О тайных обществах, составленных польскими выходцами и о др. преступных умыслах их за границей: О князе Адаме Черторижском и других издателях главных польских журналов, издаваемых за границей» (1840)⁷, «О тайных обществах, составленных польскими выходцами и других преступных умыслах их за границей: О Секерском» (1844)⁸, «О виленском тайном обществе» (1833)⁹ и т. д.

Начиная с «предгрозового» 1847 года внимание тайной полиции фокусируется не только на «тайных», а значит «злоумышленных» обществах, но и на обществах явных и официально разрешенных. Так, к 1847 году относится дело «О проекте Устава Общества поощрения коннозаводства»¹⁰. Впрочем, усиление внимания III отделения к каким бы то ни было обществам в 1847 г. может объясняться открытым тогда же «Украино-славянским обществом» (см. дело «Об украино-славянском обществе: общие распоряжения по производству следствия и исполнению решения»¹¹).

Если, как было указано выше, к середине 1840-х годов в оптике высшей власти, в том числе администраторов III отделения, «общество» виделось группой людей, объединенных общей безусловной преданностью царю и законами, им назначенными, то со второй половины этого десятилетия любые иные понимания «общества» стали казаться если не полностью нелегитимными, выходящими за пределы установленной высшей властью терминологии, то подозрительными и нежелательными.

Примечательно, что примерно в это же время (в 1847 г.) выходит издание «Словаря церковно-славянского и русского языка», где появляется, помимо двух уже существующих (и цитировавшихся выше) толкований слова *общество*, еще и третье: «Собрание людей, вместе проводящих время. *Находиться в хорошем обществе. Избегать худого общества*» [Словарь 1847 (3): 38].

⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 42.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 291.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 15. Д. 125.

⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 15. Д. 146. Ч. 3.

⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 41. Ч. 2.

⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 69.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 22. Д. 163.

¹¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 22. Д. 81. Ч. 1.

Создается впечатление, что «собрание людей», решивших более или менее регулярно вместе проводить время, без прямого указания власти на цели и задачи этого времяпрепровождения, само по себе стало казаться (власти) крамольным и по крайней мере нуждающимся в расследовании. Так, с 1848 г. внимание тайной полиции привлекают такие институты, как Географическое общество или Общество для посещения бедных и даже «общества» людей, периодически собирающихся вместе ужинать. Вполне достоверное объяснение этому вниманию можно почерпнуть из дневника М. А. Корфа (члена Государственного совета и незадолго до того организованного Комитета по надзору над цензурой):

В числе общественных установлений в Петербурге, которые, по какому-то случайному изъятию, составляют как бы отдельный *status in statu*, не состоя под непосредственным контролем и распоряжением Правительства, после французских и немецких происшествий обратили на себя особенную заботу Государя — разумеется не прямо, а по намекам окружающих, наиболее же Гр. Орлова — два, оба существующих не более двух или трех лет: Общество посещения бедных и Географическое общество [Корф 1848. Л. 185 об.]¹².

Благотворительное общество — своей широтой влияния, а Географическое — «беспреданным сборищем молодых людей для толкования о предметах общественных, представляют что-то неудоботерпимое в правлении самодержавном и даже <некоторым образом> (вставлено в рукописи рукой автора. — С. В.) зародыш тех политических клубов, которых теперь так много в Западной Европе», — объяснял Корф в записи от 16 апреля 1848 г. [Корф 1848. Л. 185 об.–186].

Умный и опытный М. А. Корф точно определил причины властного недовольства: общества не состояли «под непосредственным контролем и распоряжением Правительства», а их молодые участники могли толковать «о предметах общественных» — дело «неудоботерпимое в правлении самодержавном».

Содержание самих дел вполне подтверждают это мнение. Так, в первом же листе дела «О Русском Географическом Обществе» (1 мая 1848 г.) речь идет о потенциальной опасности собраний его членов, чьи речи далеко не полностью протоколируются:

Продолжая следить за заседаниями Географического общества, обнаруживается, что, по мнению самих членов, то есть благородной части оною, — все это дело называют «une chose manquée». Действительной пользы для отечественной географии нет и не предвидится, а суждения выражаются иногда самые оппозитонны е. Многие старики перестают от этого и ездить в собрания, а это еще более ободряет остающихся.

¹² В цитатах из архивных документов здесь и далее сохраняются только элементы орфографии, касающиеся прописных/строчных букв, пунктуация приведена к современным правилам.

Все говорят, что общество это должно бы было присоединить к Академии Наук, где ведется верный протокол всех заседаний и речей, — так, что члены всегда под присмотром правительства. Здесь же часто рассуждают не о русской географии, а о теперешних политических обстоятельствах Европы с будущими их последствиями [О Русском Географическом Обществе 1848. Л. 1].

С 28 декабря 1849 г. к названию Русского географического общества было добавлено определение *Императорское*, при этом наблюдение за разговорами и поведением его членов не прекратилось. Так, в рапорте от 31 марта 1851 г. значилось, что «в Географическом обществе допускаются рассуждения несогласные и совершенно противные духу нашего правительства» и что «враждебный дух этого общества виден, но вещества нельзя уловить» [О Русском Географическом Обществе 1848. Л. 18–18 об.].

На Общество посещения бедных было обращено еще более пристальное внимание (дело о нем занимает в архиве III отделения 267 листов). Первые подробные описания состава общества, его собраний и образа действий, кажется, свидетельствуют о нем как об исключительно благонадежной и полезной институции:

Продолжительные собрания бывают оттого, что присутствующие стараются в каждое заседание разрешить все просьбы и возникающие вопросы. Просьб поступает весьма много, и как о каждом бедном собираются через членов-посетителей справки, то столько же много возникает и дел в обществе.

Не более как в полтора года уже накопилось у них до 8 т[ысяч] дел о бедных.

Члены собрания рассуждают о делах весьма серьезно, и почти не допускают посторонних разговоров <...> Угощения никакого не бывает, кроме того, что некоторые члены курят сигары, каждый свои (сам Герцог Лейхтенбергский по приезде в собрание тотчас вынимает сигару), а Секретарь Общества потчует чаем на собственный счет.

По окончании Собраний все члены разъезжаются по домам. Пирушек же, гульбы, а тем более каких-либо подозрительных разговоров решительно не бывает <...> Жертвуемые деньги расходуются только на вспомоществование бедным, с такою строгостию, что члены всеми мерами стараются прочие издержки по обществу делать из собственных своих денег. У них производятся и ревизии расходам и делам [Об обществе посещения бедных 1848. Л. 6–7 об.].

Однако эта отличная характеристика не понравилась власти: общество собрало и продолжает собирать обширные сведения о нуждающихся людях и, контактируя с ними напрямую, выполняет (хоть и невольно), помимо прямых своих обязанностей, и функцию сбора общественного мнения, на который III отделение имеет монополию. Кроме того, члены общества, помимо раздачи денежных пособий, осуществляют социально-психологическое консультирование (т. е. вновь нарушают границы государственной юрисдикции) и предлагают нуждающимся новые формы общественной организации жизни,

подозрительно напоминающие те, что фигурируют в учениях «социалистов» («общие квартиры») для проживания, «рукодельные» для неимущих женщин).

Общество, долженствовавшее по Высочайше утвержденным правилам быть токмо посредником между нуждающимися и благотворителями, действует уже само собою не только денежными вспомоществованиями, но доставлением труда рабочему классу, словесными наставлениями и учреждением разного рода благотворительных заведений [Об обществе посещения бедных 1848. Л. 18–18 об.], —

пояснял нежелательность возникновения «низовых» инициатив автор доклада.

Лучшее же обоснование опасности существования такого общества и необходимости включить его в состав уже существующей благотворительной организации, учрежденной монархической фамилией и функционирующей под ее контролем, дает тот же автор, и обширная цитата здесь представляется необходимой, достаточной и не нуждающейся в дополнительных комментариях.

По цели своей Общество, конечно, заслуживает всякую похвалу и одобрение, но при постепенном развитии оно, далеко превышающем пределы первоначальных Высочайше утвержденных правил, и при обширном приобретаемом им влиянии на столь значительное число жителей столицы, в особенности на лиц военного звания и на класс ремесленный, составляющий важную материальную силу, Общество сие принимает уже весьма обширное значение в народе, требующее особенного внимания: ибо образование в таком размере частного благотворительного общества несогласно с монархическими началами Русского Государства.

Там, где обязанности народа относятся главнейше к Высочайшей власти, весьма важно то, чтобы народ имел убеждение, что в сей власти заключается для него и источник всех благодетелей. Образование при таких условиях Общества, рассыпающего свои пособия, торжественно публикуемые, и как бы со всенародным объявлением, что без его попечений призренные им лица остались бы без всякой помощи, не есть ли образование новой власти, не могущей совместиться с мыслию о единственной власти в Государстве, принадлежащей Монарху?

Посему нельзя не признать, что подобное учреждение должно непременно составлять часть администрации и действовать не иначе как от имени Правительства, дабы народ видел и знал общего благодетеля своего — Государя.

В сих видах Общество посещения бедных могло бы быть приобщено к Императорскому человеколюбивому Обществу, состоящему под председательством высшего Духовного Сановника столицы, и тогда, находясь под общим покровом Престола, оно могло бы достигнуть, конечно, еще большего успеха в деле благотворения, без всякого распространения в народе не соответственного с Монархией частного влияния [Об обществе посещения бедных 1848: 19 об.–20 об.].

* * *

Таким образом, слово *общество* в понимании и оптике высшей власти эпохи правления Николая I имело специфическое значение и коннотации и, не будучи полностью маргинальным, представляло некоторую сложность в употреблении.

В своем «широком» значении слово *общество* (а также производное от него *общественный* и *общий* как синоним *общественного*) проделали с начала 1830-х до середины 1850-х годов определенный семантический путь — от осторожных попыток описания «общественного мнения» («общественного духа») до превращения в фигуру умолчания. «Общество» стало равнозначно подданным — полностью, восторженно и без какой-либо рефлексии принимающим любые решения и действия царя, включая простое появление его в публичном пространстве. При этом, следуя за идеологическими изменениями в III отделении, инициированными и поддерживаемыми Л. В. Дубельтом (впрочем, разумеется, идущими за желанием царя и инспирированной им известной формулой — с упором на «народность»), слово *общество* и его дериваты почти полностью исчезают из текстов всеподданнейших ежегодных докладов и меняются на слово *русские*.

Этому подразумеваемому широкому «обществу», действующему «под одними законами, под известными уставами», противопоставлены «общества» в узком понимании — как «собрание людей, вместе проводящих время». И если до 1847–1848 гг. эти общества в делах III отделения представлены в основном как «тайные» или «злонамеренные», созданные жителями или выходцами из «неблагонадежных» западных окраин империи, то с началом «мрачного семилетия» потенциально неблагонадежными, а, значит, опасными, представляются даже вполне легитимные общества, созданные с научными или благотворительными целями.

Разнообразные лексические способы ухода от использования слова *общество*, сведение его нескольких значений к одному ярко представляют видение и практики отечественной власти времени Николая I, не допускающей ни малейшего отхода от монополии на создание и поддержание любых форм социальной жизни.

Источники

Архивные

Корф 1848 — Дневник графа М. А. Корфа за 1848 г. (автограф). ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 9.

О Русском Географическом Обществе 1848 — О Русском Географическом Обществе. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 23. Д. 201.

Об обществе посещения бедных 1848 — Об обществе посещения бедных. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 23. Д. 23.

Опубликованные

Герцен 1956 — *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1956.

Отчеты 2006 — «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Рос. Архив, 2006.

Романов 1912 — [Романов] *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 1: Текст и приложения. СПб.: Энциклопедия заготовления гос. бумаг, 1912.

Хомяков 1914 — Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. 4-е изд. Т. 3. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1914.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

Словари

САР 1789–1794 — Словарь Академии Российской: [В 6 ч.]. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1789–1794.

САР 1806–1822 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: [В 6 ч.]. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1806–1822.

Словарь 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: [В 4 т.]. СПб.: В Тип. Имп. Акад. Наук, 1847.

Литература

Калугин 2011 — *Калугин Д. Я.* История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: русский опыт // От общественного к публичному / Под ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. С. 305–394.

Проскурин 2000 — *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. (Материалы и исследования по истории русской культуры; Вып. 6).

Смит 2006 — *Смит Д.* Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке / Авториз. пер. с англ. К. Осповата, Д. Хитровой. М.: Нов. лит. обозрение, 2006.

Федорова 2011 — *Федорова К. С.* Общество: между всем и ничем // От общественного к публичному / Под ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. С. 13–68.

References

Fedorova, K. S. (2011). Obshchestvo: mezhdru vsem i nichem [Society: Between everything and nothing]. In O. V. Kharkhordin (Ed.). *Ot obshchestvennogo k publichnomu* (pp. 13–68). Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russian).

Kalugin, D. Ia. (2011). Istoriia poniatiia “obshchestvo” ot Srednevekov’ia k Novomu vremeni: russkii opyt [The history of the concept of “society” from the Middle Ages to the Modern Time: Russian experience]. In O. V. Kharkhordin (Ed.). *Ot obshchestvennogo k publichnomu* (pp. 305–394). Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russian).

Proskurin, O. (2000). *Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi* [Literary scandals of Pushkin's time]. OGI. (In Russian).

Smith, D. (1999). *Working the rough stone: Freemasonry and society in eighteenth-century Russia*. Northern Illinois University Press.

Информация об авторе

Светлана Михайловна Волошина

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Институт
общественных наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ s.m.voloshina@gmail.com*

Information about the author

Svetlana M. Voloshina

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Center for Cultural
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, Institute for Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ s.m.voloshina@gmail.com*